Вопрос чувств

«Заполнить пустоту»

Режиссер и сценарист Рама Бурштейн
Израиль, 2012, 90 мин.

Мне приятно написать об этом фильме. Вечно Холокост да Холокост, а тут, наконец-то, фильм о современных израильских евреях. Хотя, с точки зрения некоторых светских людей, не совсем, возможно, современных, ведь действие происходит в сугубо ортодоксальной среде.

Содержание картины, получившей семь израильских «Оскаров», можно пересказать коротко и ясно. «18-летняя израильтянка Шира готовится к замужеству. Ее старшая сестра Эстер умирает, дав жизнь ребенку. Мальчик остается на попечении Ривки, матери Ширы. Узнав, что муж Эстер, Йохай, вот-вот женится на еврейской вдовушке из Бельгии и увезет из страны ее единственного внука, Ривка пытается сосватать Ширу за Йохая».

На этом синопсис фильма, позаимствованный мной из Интернета, обрывается, но я могу довести его до конца в том же духе. «Шира сначала не хочет выходить за Йохая. Во-первых, для нее уже намечен совсем другой жених. Во-вторых, она не может даже помыслить, чтобы бывший муж сестры превратился в ее собственного мужа. Да и Йохаю трудно вообразить свояченицу женой. Но постепенно Шира полюбила Йохая, а Йохай полюбил Ширу. После ряда заморочек молодые, наконец, толком объяснились, и фильм завершается веселой свадьбой».

Ну, понятно. Упрямая невеста, незадачливый жених, забавные недоразумения. Нечто вроде водевиля или музыкальной комедии, только вместо мелодий Штрауса или Легара хасиды поют свои песни, отбивая об стол ладони.

На самом деле все не так просто. Шира и Йохай, полюбившие друг друга, не могут объясниться, потому что они не привыкли, не умеют говорить о чувствах. Они живут в мире, где много слов тратить не надо, ибо все совершается по ритуалу. Вот у человека умерла жена. Людям, желающим выразить ему сочувствие, не приходится ломать голову, как это сделать. Следует сказать: «Вездесущий утешит тебя вместе со всеми скорбящими из Сиона и Иерусалима. И не познаешь больше горя. Аминь». А невеста, скажем, если ее поздравляет незамужняя, должна ответить: «Ты на очереди». На все случаи жизни есть своя формула.

Люди этого мира не только разговаривают, но и живут ритуально. Вот девушке подыскали жениха, и она, ни разу не видевшая его, прибегает к подружке счастливая: «Поздравь меня, я — невеста!» С нашей точки зрения, ну чему тут радоваться, неизвестно еще, что за сокровище откопал для этой дурочки шадхен. Но она вся светится, потому что жизненный поезд идет по расписанию: положено девушке в таком-то возрасте выйти замуж, вот она и выходит.

Так-то оно так, но жизнь — она всюду жизнь и не всегда подчиняется формулам. О нет, авторы картины не осуждают, не отвергают и, боже упаси, не высмеивают этих формул, ведь, в сущности, они, формулы, определяют существование не только далеких странных хасидов, но — пусть менее заметно — каждого из нас, без них жизнь разваливается, как растекается из разбитого графина вода. Нам просто показано, как под ледком формул бьются, ища счастья, человеческие сердца.

Йохай спрашивает Ширу, почему она хочет выйти за него замуж. Она отвечает: «Потому что это наилучший выход из положения, никто не станет лучшей матерью твоему сыну, чем я, сестра его матери». Но Йохаю такого ответа недостаточно, ему хочется услышать, что Шира любит его. Шира любит, но не может в этом признаться. Ей мешает не только скованность девственницы, но и скованность хасидки. Кроме того, и это очень важно, где-

то в глубине души ей кажется, что выйти замуж за мужа умершей сестры — это как-то нехорошо, это все равно что пить из любимой чашки умершей сестры. Соединиться с Йохаем просто в силу жизненной необходимости — это еще куда ни шло, но по любви… нет, ни за что. Поэтому ее ответ Йохаю похож на тот, что Корделия дала Лиру: отношусь, мол, к тебе так, как я, в моем положении, должна к тебе относиться. Буду тебе верна и проч., и проч.

Такой ответ огорчает Йохая до слез, а сама Шира ночью не может уснуть и мысленно разговаривает со своим мудрым отцом, ребе Аароном (он жив-здоров, горячо любит ее, но она и к нему не может вживую обратиться): «Папочка, я не могу подняться, дай мне силы. Я не могу так больше. Закрой мне сердце. Я разрываюсь от всей этой боли».

Затем Шира, Йохай и Аарон идут за советом к очень-очень мудрому ребе. Тот спрашивает Ширу: «Как ты относишься к Йохаю?» Она, упрямая, и тут отвечает: «Это не вопрос чувств». «О, девочка, это именно вопрос чувств!», — вздыхает очень-очень мудрый. Вдруг в комнату врывается старая женщина: «Мне надо купить новую плитку, ребе! Какую выбрать?» Что ж, тот терпеливо растолковывает старухе, какие плитки сейчас продаются в магазинах (ребе должен знать все!) и какая подойдет ей лучше других. Ребе догадывается, что творится у бедной Ширы в душе, но жизнь — не супермаркет, муж — не плитка, девушка должна решить сама.

Как уже было сказано, в финале Йохай женится таки на Шире, но не потому, что, наконец, распутаны все узлы водевильных недоразумений — просто два человека прошли путь страданий и лучше поняли друг друга и самих себя.

Хупа. Мужские голоса четко выводят, сдерживая экстаз каноном синагогального пения: «Если я забуду тебя, Иерусалим, пусть забудет меня десница моя. Если я забуду тебя, да прилипнет язык к нёбу моему. Если не буду помнить, если не возьму Иерусалим на вершину веселья моего… Благослови меня!» А мы, зрители, если бы случайно вошли в синагогу, услышали это пение и увидели молодых, увидели, как плачет Шира, наверное, подумали бы: «Хор как хор. Невеста плачет, что ж, в данном случае ей не грех поплакать». Но зная, что было раньше, став свидетелями того, как человеческие сердца бились о стенки вековых установлений, мы живо ощущаем кругооборот ритуального и человеческого, как будто молодая кровь побежала по ветхим сосудам или свежее вино наполнило старые меха.

Святослав Бакис, специально для «Хадашот»

http://bakino.at.ua/